

Подвигъ св. Сергія Радонежскаго и дѣло митрополита Сергія.

Отличительной чертой всякой русской «оппозиціи» была критика дѣйствій и событий не съ точки зрењія ихъ конкретной цѣлесообразности для даннаго момента, а съ точки зрењія ихъ сходства или противорѣчія съ отвлеченными лозунгами критикующей партії.

«Оппозиція» никогда не находила нужнымъ считаться съ реальной обстановкой и диктуемыми ею реальными требованіями. Глубокой сложности подлинной жизни она всегда противопоставляла голую элементарность той или иной «программы», — созданной «внѣ времени и пространства», и не усилиями широкой и независимой мысли, а специальной «поливкой» въ парникѣ партійной идеологии.

Казалось бы, русская революція въ обоихъ ея фазисахъ — февральскомъ и октябрьскомъ — должна была бы опытнымъ путемъ потрезвить сознаніе всѣхъ русскихъ людей, въ томъ числѣ и русской эмиграціи, подведя это сознаніе въ упоръ къ живой жизни.

Но, къ сожалѣнію, такого протрезвленія не случилось. Русская эмиграція не только не утратила въ значительной своей части вкуса къ абстрактнымъ разрѣшеніямъ конкретныхъ вопросовъ, но, оторванная отъ своего народа, оказавшаяся «безъ руля и безъ вѣтра», она съ особеннымъ увлечениемъ ударилась въ область безответственной критики русского настоящаго и безответственныхъ химерическихъ планировокъ русского будущаго.

Объектомъ такой критики съ самаго начала русской революціи стала Русская Церковь.

Величайшая духовная сила — Она единственная устояла въ Россіи среди всеобщаго разрушенія. Устояла на крови, тамъ пролитой, на подвигѣ, тамъ совершаемомъ.

Естественно, что чающіе воскресенія Россіи устремили свой взглядъ отсюда именно къ Русской Церкви. Но не всегда въ

этомъ взглѣдѣ свѣтилась благодарная любовь и благоговѣйное смиреніе.

Истинное и искреннее отношеніе къ Церкви, какъ къ «Тѣлу Христову» и вѣчно пребывающему «Царству не отъ міра сего» встрѣчаются далеко не у всѣхъ русскихъ эмигрантovъ, почитающихъ себя правословными. Желаніе возлагать на Церковь «бремена неудобоносимыя», навязывать ей дѣйствія и цѣли, не согласныя съ духомъ Христова ученія, — очень характерно для эмигрантской церковной, вѣрнѣе говоря псеудо-церковной мысли. Съ самаго начала революціи, эмиграція, устранившись отъ непосредственного участія въ русской жизни и непосредственнаго дѣланія въ церковномъ строительствѣ, тѣмъ не менѣе считала себя въ правѣ требовать отъ высшей іерархіи церковной тамъ въ Россіи выполненія опредѣленныхъ политическихъ заданій.

«Церковь должна была использовать свой авторитетъ въ русскомъ народѣ для ниспроверженія совѣтской власти» — такъ говорило и мыслило зарубежное большинство, причемъ нѣкоторая его группы къ этому военному приказу изъ эмигрантского — «главнаго штаба» прибавляли еще другое —

«и для возстановленія власти монархической».

Не понявъ внутренней сущности и глубокаго смысла первыхъ шаговъ Патріаршой церковной власти въ первый періодъ русской смуты, эмиграція истолковала ихъ по своему — какъ проявленіе политическаго протеста со стороны Церкви и стала ожидать дальнѣйшаго — политической же борьбы съ правительствомъ совѣтовъ. Но почившій Патріархъ, къ великому разочарованію эмиграціі, не только не принялъ на себя возглавленія контрѣ-революціи, но какъ былъ съ самаго начала, такъ и остался до конца лишь духовнымъ вождемъ вѣрующаго народа, Первовоссвятителемъ Русской Церкви и въ качествѣ такового отказалъ даже въ тайномъ благословеніи своемъ братоубийственной гражданской войнѣ.

Преемники Святѣйшаго Тихона продолжали его дѣло, и заботу объ укрѣplenіи Церкви, о предоставлениі Ей возможности широко совершать христіанское служеніе въ странѣ, правительство которой поставило своей прямой задачей борьбу съ религіей и стремилось всѣми силами истребить Имя Божіе изъ памяти и изъ сердца всего народа.

Не отваживаясь убивать, морить въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ открыто за вѣру, совѣтская власть прикрывала свои преслѣдованія Церкви политическими обвиненіями. Слова «контрѣ-революція» и «бѣлогвардейщина», были главнымъ ея козыремъ въ войнѣ противъ высшей іерархіи, рядового духовенства и всѣхъ приходско-церковныхъ организаций. Такая тактика прикрытия

была необходима для правительства С.С.С.Р., ибо официально въ советской конституції «свобода культовъ» утверждалась закономъ. Управляющей нынѣ Русскою Церковью Митрополитъ Сергій почелъ необходимымъ для блага церковного разрушить советское прикрытие. Заявлениемъ полнѣйшей своей лояльности отъ лица Патріаршой Церкви передъ властю Совѣтовъ, замѣститель Патріаршаго Мѣстоблюстителя отнынѣ поставилъ вопросъ такъ, что всякое гоненіе противъ Церкви должно быть формулировано прямо и открыто, какъ гоненіе на вѣру.

Этотъ актъ Митрополита Сергія, въ сущности совершенно послѣдовательно вытекающей изъ всѣхъ предшествующихъ дѣйствій Патріаршой Церкви, актъ совершенно *неизбѣжный и необходимый* для того, чтобы Церковь какъ-то могла совершать свое служеніе, былъ воспринятъ огромнымъ большинствомъ русской эмиграціи, какъ измѣна Митрополита Сергія и Россіи и даже Православію.

Въ качествѣ подкрѣпленія своихъ обвиненій противъ Митрополита, «обличители» его вытряхнули весь свой запасъ неумѣстныхъ историческихъ параллелей, которыми еще при жизни Святѣшаго Тихона пытались колоть и уязвлять Патріаршую Церковь недовольные Ею рѣчные политики.

Изъ нашего далекаго церковнаго прошлаго обычно выхватываются три момента. «Пріемля всуе» имена русскихъ святыхъ, обличители противопоставляютъ современнымъ руководителямъ Русской Церкви преподобнаго Сергія Радонежскаго, Св. Филиппа Митрополита Московскаго и Св. Гермогена, Патріарха Московскаго.

«Преподобный Сергій и Патріархъ Гермогенъ въ свое время призывали и благословляли народъ на борьбу съ врагами, а нынѣшніе іерархи выражаютъ свою покорность заклятымъ врагамъ Россіи.

«Св. Филиппъ, — говорятъ дальше нынѣшніе судьи церковные — обличаль въ беззаконіяхъ даже законнаго православнаго Царя, а митрополитъ Сергій антихристовой власти совѣтовъ не только не обличаетъ, но расписывается въ своемъ полномъ ей подчиненіи.

«Патріархъ Тихонъ, правда на первыхъ порахъ обличаль большевиковъ, а потомъ замолкъ и пошелъ на уступки, которыхъ и привели къ нынѣшнему неслыханному для Церкви позору».

Таковъ смыслъ многообразныхъ и разнообразныхъ «исторически обоснованныхъ» эмигрантскихъ обвиненій, безъ всякаго колебанія возводимыхъ на величайшую святыню и духовную основу Россіи.

Обвиненія эти такимъ образомъ содержатъ два пункта: «позорное бездѣйствіе» и «позорное молчаніе».

Издали отъ Россіи такъ легко строются и такъ неотразимо принимаются слѣдующія положенія:

«Сначала надо громить и обличать слугъ сатаны, а затѣмъ поднять противъ нихъ весь народъ».

«Если же поднять народъ не сразу удастся, то обличать надо настойчиво и непрерывно».

Попытаемся по существу разобрать указанныя обвиненія, съ одной стороны возстановивъ въ памяти послѣдовательный ходъ событий русской революціи въ связи съ дѣяніями Церкви, съ другой прюткрай и бѣгло перелиставъ нѣсколько страницъ русской церковной исторіи до святыхъ Сергія, Филиппа и Гермогена.

Прежде коснемся обязанностей Церкви, какъ обличительницы грѣха.

Почему и какъ Св. Филиппъ обличаетъ Царя?

Іоаннъ Грозный былъ царь *православный* и строго держался не только догматовъ Церкви, но и всего внѣшняго церковнаго устава.

Проф. Федотовъ въ прекрасной книгѣ своей «Святой Филиппъ Митрополитъ Московскій» — справедливо указываетъ на то, что Святитель укорялъ Царя не въ отступленіи отъ догматовъ, а въ отступленіи отъ правды Христовой, что Св. митрополитъ былъ мученикомъ не за вѣру, а за *правду*.

Исповѣдуя догматы Православія и жестоко попирая заповѣди Евангелія, Іоаннъ вызывалъ гнѣвъ святителя *противорѣчіемъ* между вѣрою и дѣлами.

Какой православный іерархъ и какъ можетъ подражать примѣру св. Филиппа, когда онъ стоитъ лицомъ къ лицу съ властью, отрицающей и Церковь, и Христа и всѣ законы любви и нравственности не только христіянскіе, но элементарно человѣческіе?

Совѣтское правительство имѣть свою вѣру и свое ученіе, въ основѣ которыхъ лежитъ острая воинствующая ненависть противъ христіанства. За нарушеніе «догматовъ» этой вѣры, построенной по Марксу и Ленину, совѣтская оппозиція по своему и обличала Сталина и его группу, указывала на противорѣчіе между заповѣдями коммунизма и сталинской политикой. Но ни почившій Патріархъ Тихонъ, ни Митрополитъ Сергій *обличать* безбожныхъ властителей никакъ уже не могли. Тутъ вопросъ не въ отсутствіи смѣлости, а въ полномъ отсутствіи какихъ либо общихъ понятій, общихъ началь морали, просто общаго языка.

Митрополитъ Филиппъ могъ говорить Грозному обѣ отвѣтѣ его передъ Царемъ царей, о загробной жизни, только пот. му, что царь вѣриль и въ загробную жизнь и въ страшный судъ.

И не только митрополитъ Сергій лишенъ всякой возможно-

сти взыывать къ совѣсти коммунистического правительства, но предшественники Филиппа на митрополичьей каѳедрѣ, *святые*, какъ и онъ, митрополиты Петръ и Алексій, при сношеніяхъ съ хозяевами тогдашней Руси монголами, не пытались читать сарайскимъ ханамъ христіанскихъ нравоученій*), хотя языческое учение монголовъ принципально относилось съ полной терпимостью и даже уваженіемъ ко всякой религії.

То, что могло быть доступно сознанію плохого христіанина Грознаго, оказалось бы чуждымъ уму и сердцу самаго лучшаго изъ язычниковъ.

На этомъ основаніи же умѣстности и неумѣстности зиждется и вся послѣдовательная линія дѣйствій Патріарха Тихона, кажущаяся непослѣдовательной его близорукимъ критикамъ.

Эмигрантская логика никакъ не можетъ примирить и согласовать первыхъ посланій Святѣшаго Тихона съ его дальнѣйшими дѣйствіями, напримѣръ, съ осужденіемъ Карловацкаго собора, превратившагося изъ церковнаго собѣщанія въ политической съѣзда.

Да, Патріархъ, въ первыхъ своихъ обращеніяхъ обличалъ и бунтъ, и грабежъ, и убийства — однимъ словомъ есть насилия и преступленія революціи и обличалъ ихъ настолько строго, что отлучилъ отъ свв. таинствъ и церковнаго общенія всѣхъ, поправшихъ христіанскіе и человѣческіе законы.

Но къ кому были обращены грозныя посланія Первосвятытеля? Не надо забывать, что въ ту пору безчинствовалъ и насилиничалъ *самъ народъ*, въ огромномъ большинствѣ своемъ. Угаръ революціи вскружилъ голову даже нѣкоторымъ представителямъ церковнаго клира. Пишущему эти строки пришлось въ качествѣ члена первого Московскаго Епархиальнаго съѣзда наблюдать такихъ делегатовъ отъ приходовъ и благочиній, которыхъ одинъ московскій священникъ справедливо называлъ «соціаль-саломщиками» и «соціаль-дѣяконами». Къ сожалѣнію попадались и — «соціаль-священники», призывавшіе къ «республиканскому равенству» въ церкви, не стѣснявшіеся превращать амвонъ церковный въ трибуну политической агитации.

Вотъ ко есмъ этимъ взбаламученнымъ массамъ и обращалъ почившій Патріархъ свое обличительное слово и имъ, а не главарямъ большевизма, угрожалъ онъ церковной анаемой.

Какъ передъ Митрополитомъ Филиппомъ былъ согрѣшишій православный царь, такъ передъ Патріархомъ былъ согрѣшишій

*.) Правда, свв. Митрополиты Петръ и Алексій вели въ ордѣ пренія съ магометанскими богословами, но и православные епископы нашего времени безбоязненно выступали въ качествѣ горячихъ проровѣдниковъ Христа, на антирелигиозныхъ совѣтскихъ диспутахъ, причемъ, конечно, всякий разъ подвергали себя опасности жестокихъ преслѣдований.

православный народъ, на грѣхахъ котораго и утвердилась совѣтская власть, не имѣвшая въ ту пору иной базы и иной силы.

Когда же власть эта извѣстнымъ образомъ государственно укрѣпилась и попущеніемъ всенародной вины стала русскимъ правительствомъ, поработившимъ себѣ все населеніе Россіи, народъ русскій еѣ значительной степени опомнился, частично даже покаялся, но уже не смогъ сбросить съ себя совѣтского ярма, какъ не смогли въ XIII вѣкѣ, покоренные ордой удѣльные князья побѣдить и прогнать Батыя.

Не надо забывать о томъ, что въ первый періодъ революціи народные низы были враждебно настроены не только по отношенію къ «буржуямъ», но и по отношенію къ Церкви. «Красная гвардія» растрѣливала святыню Кремля. Русскими руками были изувѣчены и куполъ Успенского собора и Чудовъ монастырь и Соборъ Двѣнадцати Апостоловъ и обновившаяся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя икона святителя Николая на Никольскихъ воротахъ.

21 января 1918 года во время незабываемаго для его участниковъ крестнаго хода въ защиту православія, когда одна часть народа шла съ пѣніемъ пасхальнаго тропаря на Красную площадь, другая часть этого же народа улюлюкала на встрѣчу иконамъ и хоругвямъ изъ переулковъ, а вожатые трамваевъ, не снимая шапокъ, нарочно вгоняли вагоны въ толпу молящихся, чтобы устраивать давку.

Но не прошло и трехъ съ половиной мѣсяцевъ, какъ настроение у большинства рѣзко измѣнилось.

9 мая того же 1918 года на Красную площадь шелъ второй крестный ходъ гораздо болѣе многочисленный. Шли не только изъ Москвы, но и изъ сель, иногда дальнихъ: шли съ заводовъ рабочіе. Многія фабрики въ тотъ день прекратили работу, трамваи остановились: всѣ спѣшили поклониться чуду святителя Николая. Ни насмѣшекъ, ни кощунственныхъ выкриковъ не было слышно.

Лѣтомъ 1918 года состоялся торжественный прїездъ въ Петербургъ Святѣйшаго Тихона. Патріархъ прибылъ подъ охраной рабочихъ, въ отдѣльномъ вагонѣ, данномъ властью по ихъ требованію.

Въ то время власть еще кое въ чемъ считалась съ «пролетариатомъ».

Но когда республика «рабочихъ и крестьянъ» окончательно превратилась въ тюремный казематъ для тѣхъ и для другихъ, тотъ же Петербургъ лишь слезной молитвой и колѣно-преклоненіемъ провожалъ на судъ своего Архипастыря, священномуученика Митрополита Вергіамина...

Народъ не смѣлъ высказывать громко своихъ протестовъ и желаній. «Народъ безмольствовалъ».

Голодный, холодный, раздѣтый, истребляемый болѣзнями, доведенный до людоѣдства, онъ былъ охваченъ такимъ ужасомъ, что ему и на мысль не приходила возможность освобожденія. Шли на смерть и въ тюрьму іерархи, священники, монахи, міряне.

И параллельно этому голгоѳскому шествію, двигались хороводы сатаны: первомайскія и иныя процесіи, выбрасывавшія свои лозунги и свои эмблемы. Развѣвались большевистскіе флаги, съ каждымъ годомъ болѣе нарядные и пышные, пестрѣли нагло отвратительные кощунственные плакаты. За селедку, за полфунта хлѣба, за щепотку соли или горсть крупы шли на половину по найму, а больше по принужденію «демонстранты». Хмурыя, испитыя лица, понуря головы... Обезсилѣвшія ноги въ рваной обуви послушно шагали по мостою. Казалось, что огромную партію осужденныхъ ведутъ на расправу...

Была зловѣща и трагична эта покорность отчаянія, безсилия, и бѣстѣ тупого равнодушія ко всему на свѣтѣ.

Такъ ходили изъ года въ годъ. Порабощались привычкѣ подчиненія. А на развалинахъ оскверненной Россіи родились и подрастали дѣти, которымъ, какъ червямъ, суждено было копошиться въ смрадномъ наезѣ коммунизма.

Всѣ еспышки бунта противъ Совѣтской власти были подавлены. Бѣлыя арміи ушли, покинувъ русскую территорію.

Когда съ первой булкой «нэпа», съ первой охапкой дровъ въ замерзшей печи, населеніе какъ будто начало нѣсколько оправляться отъ первыхъ страшныхъ лѣтъ революціи, надежды на скорое освобожденіе уже не оставалось и слѣда.

Начался періодъ совѣтского ига, подобный періоду монгольскому. Подъ игомъ, приспособляясь къ нему, какъ каторжникъ приспособляется къ ручнымъ и ножнымъ кандаламъ, Россія стала строить новый бытъ — совѣтскій.

Точно послѣ нашествія орды «народъ переписанъ и обложенъ данью».

Судьба наложила свою тяжелую руку на Россію. Наступилъ судъ Божій, и, накъ нѣсколько вѣковъ назадъ, народу поднесена чаша муки и рабства, лишь еще болѣе горькая и ядовитая. Историкъ русской Церкви, Архіепископъ Филаретъ Черниговскій такъ говоритъ «о владычествѣ монголовъ и о путяхъ русскаго Православія». «Не время было сопротивляться. Хотя Русская Церковь и подвергалась такимъ образомъ власти враговъ имени Христова, но судьба ея была чудная — купина горѣла, но роса небесной любви прохладждала ее».

Именно съ періодомъ монгольского владычества больше

єсого есть осноаній сопоставлять теперешній плѣнъ Россіи, а не съ кратковременной сравнительно Смутой и засильемъ поляковъ въ Москвѣ, когда св. Гермогенъ Патріархъ, спасая Русскую Церковь отъ власти поляковъ-католиковъ, а русскій престоль отъ царя-иновѣрца, поднималъ народныя силы на освобожденіе Москвы.

Къ концу Смутнаго времени національное сознаніе достаточно пробудилось въ народѣ, была возможность для сплоченія и организаціи русскихъ силъ, способныхъ свергнуть врага.

Точно также и въ концѣ монгольского періода, когда Московское княжество и политически и экономически ощутило и сознalo свой пріоритетъ среди другихъ удѣловъ, и орда раздѣлилась и ослабѣла, явилась почва для созданія обороны противъ монголовъ; почувствовалась воля къ борьбѣ и побѣдѣ. Въ тотъ моментъ, т. е. въ 1380 году, Церковь въ лицѣ Преподобного Сергія благословивъ московскаго князя на выступленіе противъ татаръ, укрѣпила эту волю своимъ высшимъ авторитетомъ.

Церковь указала, что срокъ насталъ, что полнота временъ исполнилась. Въ данномъ случаѣ прозорливость святого игумена Троицкой обители не возставала противъ исторіи и судьбы русскаго народа, а мудро опредѣлила наступленіе историческаго срока, предугадала назрѣвшій поворотъ въ русской національной судьбѣ.

Произвольная параллель между нашей эпохой и концомъ XIV го вѣка совершенно какъ бы устраниетъ и вычеркиваетъ изъ нашего прошлаго весь предшествовавшій 1380 году періодъ. Создается такое впечатлѣніе какъ будто Русская Церковь почти за полтора столѣтія владычества татаръ или совсѣмъ бездѣйствовала или татарское иго длилось очень недолго и активнымъ веленіемъ одного русскаго подвижника было уничтожено.

При этомъ совершенно забываютъ, что Куликовская битва происходила за одиннадцать лѣтъ до кончины преподобного Сергія, уже на закатѣ его земной жизни, и до 1380 года ни самъ Сергій, ни другіе русскіе святыя ни кого изъ князей противъ владычества Орды не ополчали.

Незнакомство съ русской церковной исторіей и склонность къ необоснованнымъ сравнительнымъ оценкамъ прошлаго и настоящаго распространили у насъ еще и такой взглядъ что преподобный Сергій въ ряду другихъ русскихъ святыхъ является въ свою эпоху (какъ позднѣе Св. Гермогенъ) единственнымъ національнымъ героемъ, выступившимъ на защиту *государства* и его независимости. Существуетъ увѣренность, что Церковь какъ таковая при монголахъ пользовалась такимъ привелигированнымъ положеніемъ, что она не несла на себѣ самой никакой

тяготы и могла совершенно безпрепятственно совершать свое служение.

Ханские ярлыки, давающиеся русским Митрополитам и все, перечисленные в них на бумаге льготы, и преимущества, которыми Церковь «жаловалась» от «царей ордынских» однако не должны вводить нас в заблуждение. Проф. Е. Голубинский в своей «Истории Русской Церкви» указывает на то, что «если митрополиты были вынуждены просить у ханов охранных грамот, то из этого очевидно следует, что притеснения и обиды со стороны чиновников (монгольских), не только имели место, а и были более или менее значительны. Но думать, чтобы ханские ярлыки могли положить конец притеснениям и обидам, конечно было бы напрасно: высшая власть строго грозно приказывает, а чиновники не обращают на приказы никакого внимания».

Но злоупотребления татарских властей на местах, совершающиеся так сказать в обычном порядке, не могли причинять Церкви таких катастрофических бед, какими носились ей вспомогательными татарскими войсками в тех случаях, когда наши удельные князья, ссорясь друг с другом, обращались к ханам за вооруженным подкреплением.

«Монголы» говорят Е. Голубинский «по своей натуре были дикие хищники и... пользуясь случаем, обыкновенно предавались страшному грабежу, не разбирая владений ни друга, ни врага, и только стараясь как можно более расширить районы своих опустошений. В этих частных набегах татар, которые по своим ужасам разве только мало уступали первоначальному общему нашествию и которые по обширности опустошаемых территорий иногда достигали его самого, не было пощады ни церквам, ни монастырям с их утварью и святынями, ни священникам, ни монахам».*)

Архиеп. Филарет пишет: «от дикого завоевателя нельзя ожидать покоя побежденному; у него религия — произвол его... У дикого властителя страсти, как у зверя, люты и безотчетны. От сих то страстей Монгола особенно страдала Церковь русская: «И кресты честные и пелены пограбиша и у всех церквей двери выскоша». (Соф. Врем.).

Грабежи, пожары, убийства, сопровождавшиеся пытками, насилиями и издевательством, ознаменовали первое нашествие татар при покорении Руси. Периодически они повторялись. Церковь не могла не жить под страхом постоянной внешней угрозы. Но это только одна сторона ужасов монгольского ига для Православия. Была и другая. Татарский произвол, сметая

*.) Голубинский. «История Русской Церкви». Том II, полов. I. «Поражение Руси монголами».

съ лица земли храмы, уничтожая драгоценные, съ трупомъ возстановляемыя рукописныя книги, которые были почти единственнымъ источникомъ просвѣщенія, производилъ въ народныхъ массахъ колосальное духовное опустошеніе. Дикая орда разлагающе вліяла на Русь не только примѣромъ и внѣпреніемъ нехристіанскихъ понятій и навыковъ: рабство, подчиненіе игу само по себѣ искажало нравственный обликъ русскихъ людей. Между тѣмъ возможности Церкви въ смыслѣ духовно-нравственнаго вліянія на народъ парализовались цѣлымъ рядомъ причинъ, особенно въ первый періодъ монгольского владычества. Книжное просвѣщеніе, которое было сосредоточено въ Церкви и только что начало распространяться въ первые два вѣка послѣ крещенія Руси, заглохло почти совсѣмъ. Не сразу и съ трудомъ можно было созывать церковные соборы. «Не разъ обозрѣвая епархіи, Митрополитъ видѣлъ много беспорядковъ въ жизни клира и народа, много отступленій отъ церковнаго благочитія» — говорить о времени Митрополита Кирилла (1243-1280) архиепископъ Филаретъ. «Обычай, противные вѣрѣ христіанской оставались въ народѣ безъ исправленія, паства рѣдко были обозрѣваемы пастырями».

Насколько глубоко и болѣзненно чувствовала и сознавала Церковь въ тѣ времена всѣ размѣры катастрофы, постигшей православный русскій народъ, видно хотя бы изъ соборного посланія пяти епископовъ, съѣхавшихся въ 1247 году во Владимирѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла:

«Какую пользу получили мы, пренебрегшіе божественные правила? Не разсѣяль ли насть Богъ по лицу всей земли? Не взяты ли были наши города? Не пали ли сильные наши отъ остроты меча. Не отведены ли въ плѣнъ дѣти наши? Не запустѣли ли святыя церкви? Не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечестивые люди? И все это постигло насъ за то, что не хранимъ мы правиль св. отецъ нашихъ».

«Мы, оставшіеся, не порабощены ли горькимъ рабствомъ отъ иноплеменниковъ. Вотъ уже сорокъ лѣтъ продолжаются томленіе и мука. Мы и хлѣба не можемъ ѿстать въ сладость. Воздыханіе и печаль сушать кости наши» — приводить архиеп. Филаретъ слова современника, епископа Серапіона. А вотъ и другой вопль отчаянія, указываемый тѣмъ же авторомъ въ его «Исторіи Русской Церкви»: «Они» — говорить очевидецъ монгольского владычества, «губятъ душу, изнуряютъ тѣло невѣроятными мученіями».

Не только въ первые десятилѣтія Монгольского ига, но и много позднѣе, когда Церковь получила отъ орды своего рода «конституцію», а отдѣльные митрополиты иногда даже пользовались благоволеніемъ у хановъ и ихъ близкихъ, зависимость рус-

скаго народа отъ татаръ, несмотря на вкоренившуюся къ ней привычку, сознавалась лучшими іерархами нашей Церкви какъ бѣдствіе, попущенное Богомъ. Они не могли не желать этому бѣдствію конца, но не считали возможнымъ въремени вступать съ поработителями въ неравную борьбу.

Едва ли для православныхъ русскихъ людей того времени, въ томъ числѣ и для епископовъ Церкви, близкое личное общеніе съ татарами могло быть пріятно. Едва ли воздаваніе почестей язычникамъ — «царямъ ордынскимъ» не заставляло страдать внутренно и митрополитовъ и князей, ъздившихъ на поклонъ въ Орду и принимавшихъ «изъ поганыхъ рукъ» ярлыки на утвержденіе какъ свѣтской, такъ и церковной власти. И тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что цѣлость Церкви и права князей добываются у монголовъ русскими святителями не только при помощи подарковъ, но и цѣнной полной уважительной покорности передъ «невѣрными». Мало того: въ 1265 году Митрополитъ Кирилль въ самой Ордѣ основалъ особую каѳедру *Сарайскую*. Православный епископъ такимъ образомъ поселяется и живетъ въ самомъ лагерѣ своихъ враговъ, недавнія звѣrstва которыхъ еще не изгладились изъ памяти русского народа. Но архіепископъ Филаретъ не усматриваетъ въ этомъ обстоятельствѣ униженія Церкви, постыдной ея капитуляціи передъ утѣснителями Руси. Въ его глазахъ дѣло сарайского епископа особенно высокое по своему христіанскому значенію: «*Сарайскому Пастырю*» — пишетъ онъ, — «прежде всего надлежало быть наставникомъ и утѣшителемъ скорбныхъ дѣтей страждущей Церкви русской».

Св. Митрополитъ Петръ ъдетъ на поклонъ въ орду при ѿцареніи тамъ новаго хана: митр. Особность въ 1343 году при поѣздкѣ туда добивается благоволенія вліятельной ханши Тайдулы, дабы, какъ говорить проф. Е. Голубинскій, «рекомендовать ей передъ своею смертью своего будущаго преемника, т. е. будущаго Митрополита Алексія. Св. Алексій пріобрѣтаетъ со стороны Тайдулы исключительное уваженіе, особенно послѣ совершенной имъ осенью 1357 г. специальной поѣздки къ больной ханшѣ, которая по его молитвѣ получила чудесное исцѣленіе. Св. Алексій пользуется своимъ вліяніемъ въ Ордѣ, дабы въ 1362 г. добыть ярлыкъ на великое княженіе своему московскому князю, малолѣтнему Димитрю Ивановичу. Политическая дѣятельность Митрополита Алексія исключительна по своему значенію. Будучи опекуномъ и воспитателемъ князя московскаго, онъ фактически стоитъ во главѣ управлениія и дѣлаетъ все, чтобы утвердить наслѣдственные права князей московскихъ на великокняжескій престоль, который съ 1362 г. окончательно переносится изъ Владимира въ Москву. Для

«собиранія Руси» подъ властю Москвы св. Алексій, обладавшій выдающимися талантами государственного человека, потрудился чрезвычайно много и успешно. Между прочимъ, исполняя порученіе Митр. Алексія преподобный Сергій ходилъ въ Нижній звать непокорного князя Бориса въ Москву и когда тотъ не послушался и не пошелъ, преподобный затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, т. е. наложилъ на городъ церковное запрещеніе и отлученіе.

Св. Алексій ясно видѣлъ, какъ раздирается Русь отъ усобицъ и возвышеніемъ Москвы и подготовкой единодержавія хотѣлъ положить этому конецъ. Но мудрый святитель, которому суждено было послужить не только Церкви, но оказать и неоцѣнимыя услуги созданію будущаго Московскаго государства, не подымалъ своего князя противъ Орды. Св. Алексій лишь неустанно подготавлялъ основы для будущей русской независимости. Дѣяніе преп. Сергія, благословившаго князя Димитрія Ивановича ити на Куликово поле, было такимъ образомъ какъ бы завершеніемъ трудовъ и заботъ великаго святителя. Побѣда Куликовской битвы была одержана всего два года спустя послѣ кончины св. Алексія, когда московскій митрополичій престолъ никѣмъ законно замѣщенъ не былъ, и сътой игуменъ Троицкой лавры, почитаемый и княземъ, и народомъ, являлъ въ своеемъ лицѣ высшій духовный авторитетъ Русской церкви.

Не робость удерживала св. Алексія и его прещественниковъ отъ мысли свергнуть татарское иго. Они не хотѣло безполезно пролитой крови своего народа и сугубыхъ утѣсненій его со стороны слишкомъ сильнаго врага.

Св. кн. Михаилъ Тверской, своею жизнью заплатилъ за огражденіе своихъ подданныхъ отъ мести хана. Зная заранѣе, что въ ордѣ по доносу его ждетъ жестокая расправа, онъ не захотѣлъ уклониться отъ поѣздки туда: «Это вызоветъ бѣды на народъ мой, а я долженъ беречь его» — сказалъ князь своимъ сыновьямъ, предложившимъ поѣхать вмѣсто него въ Орду.

Св. князь Михаилъ Черниговскій и бояринъ его Феодоръ замучены были въ той же Ордѣ не за непочтительность лично къ хану, а за отказъ исполненія извѣстныхъ языческихъ обрядовъ, которые требовались отъ нихъ для оказанія уваженія религіи Монголовъ. Характеренъ отвѣтъ св. князя: «Царю готовъ я кланяться: ему поручилъ Богъ славную власть надъ земными царствами, но чему здѣсь кланяются — не могу кланяться. Готовъ пролить кровь за Христа моего; не хочу быть христіаниномъ по имени, а поступать по язычески».

Въ этихъ словахъ рѣзко проведена грань между «Кесаревымъ» и «Божіимъ», и кровью мучениковъ она запечатлѣлась какъ заповѣдь, неизмѣнная и для нашихъ дней.

Черезъ нѣсколько вѣковъ новое иго (еще болѣе страшное, ибо оно пришло не извнѣ, а изнутри — изъ бездны народнаго грѣха) легло на русскій народъ. На этотъ разъ новая «орда», уже не языческая и принципіально терпимая къ чужой вѣрѣ, а орда, ненавидящая самое имя Божіе, завладѣла Россіей и начала гоненіе противъ Церкви.

Подверглась преслѣдованіямъ не только сама Церковь въ лицѣ всѣхъ ея служителей, отъ высшей іерархіи до младшихъ клириковъ, но началось жестокое и упорное истребленіе всѣхъ основъ христіанской культуры въ многомилліонѣ русскомъ народѣ.

Безполезными попытками политической борьбы, если бы таковыя были предприняты Церковью, вызвано было бы лишь новое звѣрское кровопролитіе и была бы силой уничтожена та церковная организація, которая держалась и продолжаетъ держаться при совѣтскомъ строѣ лишь помощью Божіей благодати и цѣною великаго подвига православнаго русскаго духовенства.

И вотъ мы видимъ, что въ тотъ моментъ, когда народъ, буйно хоязничавшій въ Россіи въ первые годы революціи, окончательно потерялъ всякое вліяніе на свое «народное правительство», Русская Церковь громко заявляетъ о распределеніи «Кесарева» и «Божія».

Семь лѣтъ назадъ Митрополитъ Агаѳангель, воспріявшій временную власть отъ заключеннаго въ тюрьму Патріарха, въ своемъ тайномъ посланіи къ паствѣ писалъ приблизительно слѣдующее: «Я не призываю васъ къ противленію гражданской власти. Все, что она потребуетъ отъ васъ, непротивна вашей христіанской совѣсти, исполняйте. Имущество потребуетъ — отдайте. Но блюдите чистоту вѣры и не измѣняйте истинной Церкви, а съ отступниками ея, живоцерковцами и другими, имъ подобными, въ общеніе не вступайте».

За распространеніе этого посланія высокопреосвященнаго Агаѳангла много православныхъ, особенно молодежи, попали въ тюрьму и ссылку. Совѣтская власть не желала обнародованія этого акта потому, что въ то время она пыталась, путемъ обмана, увѣрить народъ въ «отреченіи» Патріарха» (что было даже объявлено въ газетахъ) и въ передачѣ имъ власти нѣкоему еп. Леониду, который былъ въ дѣйствительности подставнымъ лицомъ со стороны живоцерковцевъ и большевикоѣ.

Цѣлью посланія Митр. Агаѳангла было заявить, что Патріаршая Церковь и въ узахъ своихъ жива и дѣйственна. Но этимъ временный Замѣститель Святѣйшаго Тихона не ограничился и уже тогда ясно опредѣлилъ дальнѣйшій путь Церкви: отказъ отъ политической борьбы и отданіе всѣхъ силъ даже до смерти борьбѣ за чистоту вѣры.

Посланіє это, кажется, было мало известно за рубежомъ. Да и едва ли эмиграція, особенно въ то время, была способна его понять и оцѣнить. Церковь предвидѣла длительность Совѣтскаго ига, звала къ духовному подвигу укрѣпленія и насажденія вѣры, а эмиграція продолжала относиться къ русской катастрофѣ, какъ въ случайной и скоро устранимой бѣдѣ.

Эмиграція не замѣчала и не оцѣнивала внутренняго вліянія большевизма на народъ. Она не могла усвоить того, что всѣ силы Церкви должны устремиться въ глубину, въ тѣ нѣдра народной души, гдѣ революція, разрушая навыки и традиціи прежняго бытового благочестія, съеть ядовитые плевели зѣбриной религіи материализма.

Всякую борьбу, всякий подвигъ со стороны Церкви эмиграція мыслила лишь какъ политической заговоръ, призывъ къ восстанію, къ сверженію вышеаго владычества совѣтовъ. Дѣлу духовнаго очищенія народа, пробужденія въ немъ лучшихъ человѣческихъ свойствъ — дѣлу, для котораго такъ много потрудились при татарахъ и св. Алексій и преподобный Сергій — бѣженское сознаніе не придаєло почти никакого значенія.

Всенародная благоговѣйная любовь къ Почившему Патріарху Тихону въ глазахъ эмиграціи была огромнымъ шансомъ для поднятія бунта противъ Совѣтовъ. Но онъ своимъ этимъ преимуществомъ «не сумѣлъ воспользоваться». А когда угроза суда и казни на одинъ моментъ нависла надъ головой Святѣйшаго нѣкоторые круги эмиграціи, не причастные ни умомъ ни сердцемъ къ великому дѣлу Церкви и личному подвигу Первосвятиеля, страшно сказать, — *тайно желали, чтобы казнь совершилась, ибо они надѣялись, что, послѣ такого удара, волна народнаго негодованія смететь совѣтскія твердыни.*

Можно смѣло утверждать, что ни одному вѣрющему человѣку тамъ въ Россіи, изъ числа наиболѣе изстрадавшихся подъ совѣтскимъ ярмомъ, не могла даже на секунду мелькнуть эта мысль, которая ядовитой гадюкой проползла по головамъ нѣкоторыхъ «патріотовъ» въ эмиграціи.

Когда-же Церковь, вмѣсто политического заговора и бунта, попыталась въ лицѣ Митрополита Сергія и Патріаршаго Синода вплотную подойти къ вопросу о легализації и для этого выразила ту же готовность «поклониться хану», которую въ свое время изъявилъ и св. князь-исповѣдникъ Михаилъ Черниговскій, то «національно-мыслящіе» круги русскаго зарубежья на всѣ голоса закричали отъ негодованія, призывая свою церковную власть порвать всякую каноническую связь съ «отступникомъ».

Достаточно показано документальными данными*), что выступление Митрополита Сергия не является его единоличнымъ шагомъ, что уже сравнительно давно Патріаршая Церковь стремилась и стемится установить болѣе или менѣе нормальная взаимоотношениа съ правительствомъ Совѣтовъ и снять съ себя необоснованное обвиненіе въ какой-либо политической дѣятельности и агитациі.

Въ лицѣ Митрополита Сергія Русская Церковь въ данномъ случаѣ, подобно древнимъ нашимъ святителямъ обратилась къ власти невѣрныхъ за полученіемъ необходимаго «ярлыка».

Если мы вѣrimъ, что въ истинной Церкви присутствуетъ Духъ Святой, то мы должны вѣрить и тому, что Церковь своимъ соборнымъ разумомъ глубже и правильнѣе оцѣниваетъ событія, нежели оцѣниваемъ ихъ мы, что она мудро опредѣляетъ смыслъ извѣстныхъ историческихъ эпохъ и выносить нужныя рѣшенія.

При монголахъ, по винѣ самихъ русскихъ, раздиралось тѣло России. Раздѣляемая распрыами князей тогдашняя Русь могла исчезнуть какъ национальная величина, а духовно стать добычей мусульманъ, послѣ принятія татарами Ислама.

При власти Совѣтовъ наибольшая опасность угрожаетъ народной душѣ.

Въ первомъ случаѣ русскіе святители старались собрать воедино разрозненные части тогдашней Руси.

Во второмъ случаѣ, въ наше время, Церковь борется за цѣлость и укрѣпленіе вѣры, за спасеніе народной души, ибо безъ Православія немыслима самая идея Россіи. Безъ Православія Россія умреть, прекратится подлинное ея бытіе, хотя бы и продолжало существовать на русской территорії какое-то государство.

Намъ скажутъ, что коммунистический режимъ разворачиваетъ народъ, что Россія духовно искается.

Это несомнѣнно. Но и при монголахъ разворачивался народъ. Руководители тогдашней Русской Церкви это видѣли и сознавали. Они видѣли, какъ изъ страха и корысти нѣкоторые князья, угодничая передъ ханами, предаютъ другъ друга, какъ высшие и низшіе пріучаются къ обману, жестокости, хитрости, какъ измѣняется прежній характеръ русского человѣка.

Неистовства Грознаго и его времени, неограниченный произволъ власти и раболѣпство подданныхъ, доносы, казни, утонченные пытки — явились прямымъ наслѣдіемъ татарщины. «Благочестивый Царь всея Руси» въ лицѣ московскихъ владыкъ XI и XVI вв., какъ не похожъ онъ былъ на истинно благочестивыхъ князей до монгольского периода. Широко «просвѣщенное

*) См. статью И. Стратонова. «Документы Всероссийской Патріаршей Церкви послѣднаго времени». «Путь» № 9. Янв. 1928.

благородство истинныхъ христіанскихъ государей, смѣнилось слѣпымъ и безумнымъ обожествленіемъ ничѣмъ неограниченна- го царскаго произвола.

Татарщина исказила обликъ древней до-монгольской Руси во всѣхъ отношеніяхъ, исказила до неузнаваемости.

Спрашивается, почему же такъ поздно тогда пришло из-бавленіе? Почему послѣ первого нашествія Батыя немедленно не воспрянуль русскій народъ, благословляемый святителями и предводительствуемый князьями?

Да, вѣроятно, по тому же самому высшему предопредѣле- нию, по которому гражданская война во время русской револю- ціи окончилась пораженіемъ бѣлыхъ.

Пути Господни неисповѣдимы. Историческіе факты могутъ намъ объяснить лишь виѣшнія причины нашихъ неудачъ, какъ нѣсколько вѣковъ назадъ, такъ и теперь, но *внутренній* смыслъ обоихъ, наложенныхъ на русскій народъ испытаній, скрытъ въ тайныхъ велѣніяхъ Промысла.

Оцѣнивая прошлое и вдумываясь въ настоящее, мы прежде всего должны помнить, что, при неизмѣняемости своихъ доктринальныхъ и каноническихъ основъ, при постоянномъ стремленіи къ вѣчной праєдѣ Царствія Божія, Церковь земная въ разныя историческія эпохи *по отношенію къ народамъ и государствамъ*, (а не къ отдельнымъ христіанскимъ душамъ) можетъ измѣнять характеръ своего служенія. При св. Владимирѣ, по призыву свѣтской власти, она приносить Евангельскій свѣтъ языческому народу и при содѣйствіи власти ведеть проповѣдь во вновь обращенной странѣ. При первыхъ князьяхъ московскихъ она помогаетъ созданію мощнаго государства, какъ бы приготовляеть сосудъ для храненія Православной вѣры. Позднѣе же, когда государство своей силой начинаетъ давить на Церковь, она по мѣрѣ возможности пытается ограждать «Божіе» отъ «Кесарева». Государство можетъ называться христіанскимъ и высшая власть ей немъ именовать себя православной, но это не мѣшаетъ власти порабощать Церковь своему произволу вплоть до того, что, напр., при императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ замучивается нѣсколько епископовъ, отстаивающихъ независимость Церкви, а при просвѣщенной Екатеринѣ II подвергается жестокой расправѣ за такую же вину еп. Арсеній Маціевичъ. Въ наше время на долю Церкви по отношенію къ русскому народу выпадаетъ жре-бій такого же служенія, какъ въ наиболѣе тягостные моменты татарскаго ига.

Если великъ преподобный Сергій въ своемъ призываѣ къ освобожденію отъ Монголовъ, то можно ли умалить и тѣхъ пастырей и архипастырей, которые, не чая скораго освобожде- нія, не менѣе мужественно призывали народъ къ несенію тяж-

каго креста, которые поддерживали свѣтъ вѣры въ порабощенной язычниками паствѣ своей и, не щадя себя, съ великими трудностями служили и учительствовали въ раззоренной странѣ.

Пламенная вѣра и любовь Христова были ихъ опорой. Они не отвергались брезгливо отъ жестокости, грубости, отъ нравственного паденія своихъ пасомыхъ. Они твердо помнили завѣтъ Божественнаго Учителя о томъ, что «не здоровые имѣютъ нужду во врачѣ, но больные» и сознавали, что прежде всего имъ надлежить быть «наставниками и утѣшителями скорбныхъ дѣтей страждущей Церкви Русской».

Въ великомъ смиреніи передъ испытаніемъ Божіимъ наши святители Монгольскаго періода, ради спасенія Церкви, клянялись «царемъ ординскимъ». И не упрекалъ ихъ за это народъ. Святыми лампадами они озаряли тьму русскаго національнаго позора и неисчислимыхъ страданій народныхъ.

Такой лампадой сияль и преподобный Сергій, главной заслугой которого передъ родиной было не столько самое напутствие московскаго князя на Куликовскую битву, сколько духовное собираніе Руси.

Духовному собиранию русскаго народа служилъ св. Алексій Митрополитъ и его наиболѣе выдающіеся предшественники. Въ нашу трагическую эпоху ломки и разрушенія старой Россіи, этому же величайшему дѣлу отдалъ всѣ силы свои почившій Патріархъ Тихонъ и его помощники; нынѣ служить этому Митрополитъ Сергій въ качествѣ временно управляющаго Всероссійской Церковью іерарха.

Силою исторической необходимости Митрополитъ Сергій поставленъ лицомъ къ лицу передъ тѣмъ правительствомъ, которому, вольно или невольно, *втеченіе десяти лѣтъ* подчиняется русскій народъ. Церковь не можетъ по своей инициативѣ ниспрозергать одинъ политическій строй и замѣнять его другимъ, точно также не можетъ она уходить въ подполье, ибо она не политическая партія, а вселенское Установленіе. Она — Тѣло Христово. Больше того: засвидѣтельствовавъ свою лояльность власти, она легче и ближе подойдетъ къ тѣмъ элементамъ населенія С.С.С.Р., которые эту власть политически пріемлють, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отворачиваются злобно отъ христіанства, а, быть можетъ, скорѣе тянутся къ нему усталыми и опустошенными душами.

Сила православной Церкви въ Россіи виждется отнюдь *не на политическомъ ея противоположеніи советскому строю, а на духовномъ противоположеніи идеаловъ и заповѣдей христіанства грубо материалистической догматикѣ марксизма и коммунизма.*

Патріаршая же Церковь, подчинившись правительству

С.С.С.Р., отъ этихъ идеаловъ и заповѣдей ни въ чёмъ не отступила. Она твердо стоитъ на томъ самомъ основаніи, которое указалъ Апостолъ Павелъ, призываю къ борьбѣ не противъ «плоти и крови» а «противъ духовъ злобы поднебесной».

«Ибо мы, хотя во плоти, не по плоти воинствуемъ».

«Оружія воинствованія нашего не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь: ими ниспровержаемъ замыслы» (Коринт. 11-ое посл. Глава 10, 3-4).

Желая воинствовать по плоти, мы забываемъ, что страшна вовсе не форма совѣтского государственного строя *сама по себѣ*, а страшенье опустошающей антихристовъ духъ материализма. Формы совѣтского строя постепенно мѣняются; несомнѣнно будутъ измѣняться и дальше; наконецъ строй этотъ, можетъ, внезапно исчезнувъ, замѣниться какимъ угодно другимъ. Церковь никакъ не можетъ быть при этомъ озабочена реорганизацией вѣнчаной торговли, возращеніемъ права частной собственности и тому подобными вопросами, ибо ея главная цѣль и забота — береженіе народной души. Ей важно и нужно *духовно собрать Россію и духовно ее освободить во Христѣ*, а вовсе не устанавливать демократическую республику, конституціонную или самодержавную монархію.

Если бы почившій Патріархъ, послѣ установленія власти Совѣтства, покинулъ бы свою всероссійскую паству, то онъ поступилъ бы какъ «наемникъ», который «не радить обѣ овцахъ». Святѣшій Тихонъ былъ воистину «пастырь добрый», который «душу свою полагаетъ за овцы». Не измѣнилъ своему долгу и Митрополитъ Сергій, одинаково смиренно принявшій и тюремное заключеніе и «ярлыкъ» изъ рукъ невѣрныхъ.

Руководители современной намъ Русской Патріаршіей Церкви несутъ послушаніе, подобное послушанію епископовъ сарайскихъ, которые совершили свое служеніе въ самомъ станѣ Монголовъ. Но ихъ жребій несравненно болѣе тяжекъ, ибо проповѣдники религіи коммунизма не отличаются вѣротерпимостью язычниковъ-татаръ, а всѣми силами, всѣми способами яростно и безумно воинствуютъ противъ Христа. Трудность личнаго подвига высшихъ русскихъ іерарховъ усугубляется еще сознаніемъ ихъ ответственности передъ Богомъ за весь русскій народъ, за цѣлостность Всероссійской Церкви.

«Наставники и утѣшители скорбныхъ дѣтей страждущей Церкви Русской», они впереди всѣхъ насы несутъ тягчайшій изъ всѣхъ крестоѣ когда-либо ниспосланныхъ Россіи по волѣ Промысла, и нашъ долгъ благоговѣйно склониться передъ ними, а не искушать Бога дерзкимъ ропотомъ на его избранниковъ.

М. Курдюмовъ.